

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

КРИТИКО-
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ
ДВУХНЕДЕЛЬНИК
ПРИ ЖУРНАЛЕ
«ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК»

18

20 сентября

1 9 4 0

САХАЛИНСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ЧЕХОВА

Одна из самых знаменательных годовщин в биографии Чехова приходится на лето и осень нынешнего года: пятьдесят лет назад, в 1890 году, Антон Павлович предпринял знаменитое путешествие на остров Сахалин, которое явилось поворотным моментом в творчестве великого писателя.

Ровно пятьдесят лет назад, 11 сентября 1890 года, плывя на пароходе «Байкал» через Татарский пролив с северного Сахалина на южный, Чехов в письме к приятелю вкратце сообщал о проделанной им работе:

«Не знаю, что у меня выйдет, но сделано мною не мало. Хватило бы на три диссертации. Я вставал каждый день в 5 часов утра, ложился поздно и все дни был в сильном напряжении от мысли, что мною многое еще не сделано, а теперь, когда уже я покончил с каторгой, у меня такое чувство, как будто я видел все, но слона-то и не приметил. Кстати сказать, я имел терпение сделать перепись всего сахалинского населения. Я объездил все поселения, заходил во все избы и говорил с каждым; употреблял я при переписи карточную систему, и мною уже записано около десяти тысяч человек каторжных и поселенцев. Другими словами, на Сахалине нет ни одного каторжного или поселенца, который не разговаривал бы со мной. Особенно удалась мне перепись детей, на которую я возлагаю не мало надежд... Был у всех знаменитостей. Присутствовал при наказании плетью, после чего ночи три-четыре мне снились палач и отвратительная кобыла. Беседовал с прикованными к тачкам...»

Все это — каторжные поселенцы, дети, уголовные знаменитости, плети, палач и его жертва, — все нашло отражение в суровой, правдивой и безотрадной книге Чехова «Остров Сахалин», о которой один из ранних критиков-марксистов, А. И. Богданович, некогда писал: «Не подчеркивая и отнюдь не ста-

раясь ставить точки над *i*, автор превосходной группировкой фактов и личных наблюдений вырисовывает такую потрясающую картину жизни на Сахалине, что совершенно подавленный и глубоко пристыженный закрываешь книгу и долго не можешь отделаться от полученного впечатления».

Над этой книгой Чехов работал долго, упорно и очень напряженно. Даже по поводу таких, казалось бы, «нейтральных» тем, как описание климата Сахалина, он сообщал в одном из своих писем: «Вчера я целый день возился с сахалинским климатом. Трудно писать о таких штуках, но все-таки в конце-концов поймал чорта за хвост. Я дал такую картину климата, что при чтении становится холодно».

Так создавалась эта книга, несомненно самая трудоемкая из всех чеховских книг и одно из самых значительных произведений во всей русской публицистической литературе. Насыщенная точными фактами, правдивая, глубоко сдержанная по тону, она и сейчас волнует при чтении с той же силой, что полвека назад. И тем не менее, как ни важна и значительна эта книга, неизмеримо важнее были результаты путешествия Чехова в области его художественного творчества.

Мы имеем в виду не те произведения, сюжеты которых так или иначе связаны с Сибирью, Сахалином или местами, через которые пролегал обратный путь Чехова в Россию: Цейлон, Индийский океан и т. д. Таких очень немного: «В ссылке», «Гусев» и «Убийство». Но дело в том, что в результате этого путешествия произошли какие-то существенные изменения в колорите и в самом духе творчества Чехова. Глубокие следы сибирских и сахалинских впечатлений внимательный читатель откроет в произведениях Чехова, сюжетно никак не связанных с этим путешествием.

Характерно, что для родных и самых близких Чехову людей навсегда осталась неясной подлинная причина его решения отправиться в это, по тем временам изнурительное и даже небезопасное, путешествие. И, мне кажется, прав был один критик, высказавший предположение, что целью поездки Чехова

было — «довершить свое понимание русской жизни».

Нужно сказать, что в то время в настроении Чехова уже ничего не оставалось от прежнего, несколько беззаботно-веселого отношения к окружающей жизни. Он был уже автором «Тоски», «Ваньки», «Спать хочется», «Припадков» и других произведений, в которых над всем господствует одна и та же мысль: где предел унижению человеческого достоинства? Постепенно на вопросе о человеческом достоинстве сосредоточивается все внимание писателя. Он неумолимо проследживает разнообразные формы унижения этого достоинства — грубость, чванство, высокомерие, надменность, черствость хозяев и владык жизни, богатых и сильных мира сего; подострастие, лесть, унижение, пресмыкательство, подхалимство малых и слабых. Он вскрывает подлинно рабовладельческие отношения под лаком внешнеприличных форм жизни, он срывает с них маски.

Естественно, что его потянуло туда, где можно было увидеть эту рабовладельческую подоплеку тогдашней жизни в России во всей ее наготу, без всяких стыдливых покровов. Недаром, еще собираясь в дорогу, он обронил в письме к приятелю: «Сахалин — это место невыносимых страданий, на какие только бывает способен человек».

И вот Чехов собственными глазами увидел этот, по его выражению, «ад», этот предел, до которого доведено было в России унижение человека. «Понимание русской жизни» постиг он был им здесь довершено. И с этих-то пор зазвучала в его произведениях та нота, под знаком которой Чехов вошел не только в историю русской литературы, но и в историю развития общественной мысли в России: «Нет, больше жить так невозможно!»

С особенной силой, впервые после поездки, проявилось это настроение Чехова в «Палате № 6». Ничего специфически сибирского или сахалинского в повести нет и следа. Внешняя, бытовая

ее сторона определяется отчасти еще детскими и юношескими впечатлениями таганрогского периода жизни Чехова, дополненными его же позднейшими врачебными впечатлениями. Идеологическая тема повести — чисто философская: борьба с толстовством и с учением о «непротивлении злу насилием». Главные герои повести — типичные русские интеллигенты — точно так же несколько не напоминают обитателей Сахалина. Словом, все слагаемое «Палаты № 6» внешне ни в какой мере не связано с впечатлениями Чехова от путешествия на Сахалин.

Но впечатление читателя от этой повести как раз то самое, какое вынес Чехов из наблюдений на «острове отверженных»: Россия — это какая-то гигантская каторжная тюрьма, в которой положение заключенных доведено до последней степени унижения. Потому что именно этот итог и был тем «слоном», о котором Чехов выразил в письме опасение, что он его не приметил за разными частностями своих сахалинских наблюдений. И отныне этот «итог» насквозь пропитает главнейшие произведения Чехова, в ряду которых «Палата № 6» занимает исключительное место не только как одно из сильнейших, но и как провозвестник важнейшего этапа в творчестве Чехова. А. И. Ульянова-Елизарова в своих воспоминаниях сообщает, что, прочитав «Палату № 6», Ленин сказал: «Когда я дочитал вчера вечером этот рассказ, мне стало прямо-таки жутко, я не мог оставаться в своей комнате, встал и вышел. У меня было такое ощущение, точно и я заперт в палате № 6».

Это самое впечатление уносил и зритель, уходя из театра, где ставились чеховские пьесы. Чехов изображал во всей суровой правде жизнь тогдашней России. И в этих мрачных картинах зрители и читатели узнавали себя и свою жизнь, и в них подымался порыв освободиться от ее гнета и удручающей тоски.

А. Дерман